

Библиографические ссылки

1. **Абрахам Ф.** Теория хаоса и Интернет в эпоху постмодерна / Ф. Абрахам. – Режим доступа : <http://offline.computerra.ru>.
2. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 386 с.
3. **Бодрийяр Жан.** Символический обмен и смерть / Жан Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
4. **Делез Ж.** Платон и симулякр / Ж. Делез // Интенциональность и текстуальность. – Томск : Водолей, 1998. – 278 с.
5. **Исаев М. И.** Языковое строительство как один из важнейших экстралингвистических факторов развития языка. Язык и общество / М. И. Исаев. – М. : Наука, 1968. – 289 с.
6. **Калмыков А.** Симулятивная коммуникация – феномен информационного общества / А. Калмыков. – Режим доступа : <http://www.bestreferat.ru>.
7. **Компанцева Л. Ф.** Интернет-лингвистика когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы : монография / Л. Ф. Компанцева. – Луганск : Знание, 2008. – 528 с.
8. **Новейший философский словарь.** – Режим доступа: <http://www.slovopedia.com>.
9. **Носов Н. А.** Фома Аквинский и категория виртуальности / Н. А. Носов // Виртуальная реальность : философские и психологические аспекты. – М. : Прогресс, 1997. – С. 83–84.
10. **Современный философский словарь.** – Лондон – Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Мн. : Панпринт, 1998. – 784 с.
11. **Трофимова Г. Н.** Языковой вкус интернет-эпохи в России : Функционирование русского языка в Интернете : концептуально-сущностные доминанты / Г. Н. Трофимова. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – 340 с.
12. **История философии** : энциклопедия. – Режим доступа : <http://slovari.yandex.ru>
13. **Эпштейн М.** Знак пробела : О будущем гуманитарных наук / М. Эпштейн. – М. : Новое лит. обозрение, 2004. – 616 с.

Надійшла до редколегії 10.01.10

УДК 811.161.1'38

А. А. Андрухович

Национальная академия Службы безопасности Украины (г. Киев)

О ВИРТУАЛИЗАЦИИ И МАНИПУЛЯЦИИ

Присвячена питанням когнітивно-прагматичних закономірностей між процесом віртуалізації особистості та суспільства, можливостям маніпулятивного впливу на адресата в дискурсивному інтернет-середовищі. Автор визначає передумови виникнення феномена віртуальної особистості, на основі дискурс-аналізу ряду повідомлень німецьких інтернет-видань показує їх маніпулятивний потенціал. Інтернет як сучасний і найсильніший засіб масової комунікації, інформації й пропаганди виступає посередником у впливі на підсвідомість і маніпуляціях мовною свідомістю віртуального співтовариства. Сама організація інтернет-дискурсу має сугестивний потенціал, що продемонстровано на прикладах лексичного наповнення повідомлень новин.

Ключові слова: віртуалізація особистості, віртуальне співтовариство, маніпуляції, мовна свідомість, інтернет-дискурс, сугестивний потенціал.

Посвящена вопросам когнитивно-прагматических закономерностей между процессом виртуализации личности и общества, возможностям манипулятивного воздействия на адресата в дискурсивной интернет-среде. Автор определяет предпосылки возникновения феномена виртуальной личности, на основе дискурс-анализа ряда сообщений немецких интернет-изданий показывает их манипулятивный потенциал. Интернет как современное и самое мощное из средств массовой коммуникации, информации и пропаганды выступает посредником в воздействии на подсознание и манипуляциях языковым сознанием виртуального сообщества. Сама организа-

ция интернет-дискурса обладает суггестивным потенциалом, что продемонстрировано на примерах лексического наполнения новостных сообщений.

Ключевые слова: виртуализация личности, виртуальное сообщество, манипуляции, языковое сознание, интернет-дискурс, суггестивный потенциал.

The article deals with the problems of cognitive and pragmatic regularities in the process of the virtualization of a personality and society, resources of manipulative influence on the addressee in the discursive Internet environment. The author determines the prerequisites for the emergence of the phenomenon of the virtual personality, using the discourse analysis of some articles from the German language Internet media the author shows their manipulative potential. The Internet as a modern and the most influential one from the mass media is the mediator in the impact on the subconsciousness and in the manipulation with the linguistic consciousness of the virtual community. The organization of the Internet discourse itself has a suggestive potential, which is exemplified with the lexical field of the news reports.

Key words: virtualization of a personality, virtual community, manipulation, linguistic consciousness, Internet discourse, suggestive potential.

Постановка проблемы. Информационно-коммуникативное общество формируется в противоречии трендов: развитие современных технологий не только предоставляет невиданные ранее возможности обмена информацией, но и создает прагматическую ситуацию глобального манипулирования. Традиционные СМИ уступают место СМК (средствам массовой коммуникации), среди которых все большее влияние на человека и сообщество в целом оказывает сетевая коммуникация.

Актуальность исследования. Вхождение Всемирной сети в обыденную жизнь, неограниченный доступ к различного рода информации, трансформация, виртуализация общества предполагают возникновение новых типов коммуникации, представляющих интерес для анализа и лингвокультурологических исследований.

Цель статьи: установить когнитивно-прагматические закономерности между процессом виртуализации личности и общества и возможностями манипулятивного воздействия на адресата в дискурсивной интернет-среде.

Задачи статьи: 1) определить предпосылки возникновения феномена виртуальной личности, 2) исследовать манипулятивные возможности интернет-коммуникации, 3) на основе дискурс-анализа ряда сообщений немецких интернет-изданий выявить их манипулятивный потенциал.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблема дискурсивного подхода к изучению языка затрагивает многие сферы современного научного знания: лингвокультурологию, психолингвистику, социолингвистику и т. д. Единого подхода к определению терминологического статуса дискурса не существует, поэтому многие отрасли науки трактуют это понятие по-разному. В современном языкознании вопросам дискурс-анализа, виртуализации личности, интернет-коммуникации и информационно-психологического воздействия на массовое сознание посвящены работы, находящиеся в междисциплинарной научной парадигме: психолингвистике (Е. И. Горошко, А. В. Кирилина, Д. В. Иванов), лингвокультурологии (В. И. Карасик, Л. Ф. Компанцева, О. В. Лутовинова), социолингвистике (С. А. Зелинский, В. Г. Крысько).

Изложение основного материала. XX век принёс обществу радио, телевидение, Интернет, расширив тем самым возможности доступа к информации, успешно конкурируя с печатными изданиями, разнообразя пути и методы психологического воздействия на языковое сознание сообщества. Век XXI успешно использует все доступные СМИ, исследуя старые манипулятивные методики, внедряя и совершенствуя новые. Языковая личность в настоящее время находится в центре глобальных интересов как исследователей, так и манипуляторов. «Поведенческие характеристики языковой личности – это совокупность вербальных и невербальных индексов, определяющих языковую личность как индивидуума или как тип. В самом широком плане, говоря о человеке в аспекте его коммуникативного поведения,

мы имеем в виду прагматингвистические параметры языковой личности, т. е. рассматриваем общение как деятельность, имеющую мотивы, цели, стратегии и способы их реализации» [4, с. 45].

Получение информации, расширение границ картины мира, возможность коммуникации, дискурсивность современного мира – вот факторы, породившие возникновение нового варианта языковой личности, виртуальной личности. «Социально-психологических причин обращенности современных людей к Сети может быть много, но основных три: неудовлетворенность миром и моделью его описания, желание самоидентифицироваться, ответить на вопрос «Кто Я?», стремление к коммуникации.

Нам кажется, эти изменения связаны с процессом глобализации современного общества, мобильностью и креативностью современного мира, активной обращенностью общества к гендерным проблемам, изменением социально-политических приоритетов» [6, с. 100].

Д. В. Иванов пишет, что «концепция виртуализации общества уже в ее первоначальной формулировке основывалась на критическом подходе, то есть на рефлексии социально-исторической обусловленности, а значит, и ограниченности классических моделей трансформации общества, и на целостном описании эмпирически фиксируемых тенденций, которые невозможно свести лишь к компьютеризации нашей жизни или ее прямым следствиям. Объяснение новых тенденций строится, исходя из анализа стремлений-ценностей, из представления об обществе не как о системе институтов, но как о процессе реализации ценностей, процессе, историческими моментами которого являются формирование и упадок социальных институтов как реальности *suī generis*» [3, с. 18]. Желание уйти от реальности обыденной жизни, абстрагироваться от проблем, возникающих в обществе глобализации и кризисов, побуждает к погружению в виртуальный мир. «Вместе с тем в странах с развитой компьютеризацией, в основном, среди молодого поколения появляется все больше людей, для которых обычная реальность кажется серой, неинтересной и абсолютно непривлекательной, но, к сожалению, необходимой для поддержания жизни. Виртуальное пространство, напротив, представляет для них целый мир, в котором и находятся все их основные цели, ценности и интересы» [8].

Интернет предоставляет личности ряд «свобод» – самоидентификации, высказываний, выбора времени и места для коммуникации, самопрезентации. Виртуальная личность – отличительная черта эпохи постмодерна, «имитационный образ», который, чтобы быть психологически продуктивным, «не должен составлять функциональную альтернативу самой личности» [5, с. 270]. Поскольку постмодерн рождает прецессию симулякров, «сущность человека отчуждается уже не в социальную, а в виртуальную реальность. Речь в данном случае идет отнюдь не только о так называемых киберпанках – людях, для которых смыслом жизни стало погружение в миры компьютерных симуляций и «бродяжничество» по сети Internet, хотя именно киберпространство – базовая для предлагаемой концепции метафора. В любого рода виртуальной реальности человек имеет дело не с вещью (располагаемым), а с симуляцией (изображаемым). Человек эпохи модерна, застающий себя в социальной реальности, воспринимает ее всерьез, как естественную данность, в которой приходится жить. Человек эпохи постмодерна, погруженный в виртуальную реальность, увлеченно «живет» в ней, сознавая ее условность, управляемость ее параметров и возможность выхода из нее. Перспектива того, что отношения между людьми примут форму отношений между образами, и есть перспектива виртуализации общества. В этой перспективе появляется возможность трактовать общественные изменения, различая старый и новый типы социальной организации с помощью дихотомии «реальное / виртуальное»» [3, с. 19–20].

Постмодернизм использует принцип децентрации для отхода от эпистемологии модерна. «Постмодернизм подвергает критике центрированность как основной принцип европейской культуры Нового времени, рационального мышления модерна, которое отвергается как метафизическое. Децентрация субъекта как ядра, центра, вокруг которого строилось познание, культура, общественная жизнь, деконструкция всякого текста, выявляющая незакрепленность знаков, релятивизируют любой текст, любое понятие. На этом основании постмодернисты доказывают невозможность существования целостной, универсальной системы знания – оно может быть лишь фрагментом множества локальных культурных контекстов, которые делают его возможным и задают ему смысл. Поэтому никакое знание не может быть оценено вне контекста культуры, традиции и языка. Именно с этим тезисом связана постмодернистская критика всей предыдущей культуры, образа мышления как метафизического и логоцентрического, его «методологическое сомнение» по отношению к рационально обоснованным универсальным ценностям, истинам и убеждениям, к самим рациональным формам познания, его отказ от основных понятий эпистемологии модерна, таких как истина, причинность и т. п.» [10].

Изменения в обществе, его жизнь и приоритеты отражаются в языке. Виртуализация личности позволяет говорить о возникновении новых разновидностей дискурсов, среди которых значимая роль отводится интернет-дискурсу, сетевому, виртуальному и компьютерному дискурсам. Уже само разграничение близких, на первый взгляд, понятий, свидетельствует об установлении новой лингвистической парадигмы «дискурс». «“Сетевой дискурс” трактуется шире, чем “интернет-дискурс”, поскольку представляет собой текст, погруженный в ситуацию общения как в Интернете, так и других сетях, например, локальных. Кроме того, “интернет-дискурс” и “сетевой дискурс” входят в понятие компьютерного дискурса как частное в общее. Таким образом, рассмотренные виды дискурса в качестве отличительной особенности содержат указание на то или иное средство связи, которое обуславливает создаваемую коммуникативную среду. Виртуальный дискурс, являющийся объектом нашего исследования и представляющий собой текст, погруженный в ситуацию общения в виртуальной реальности, в значительной степени отличается от вышеперечисленных видов, поскольку при его определении следует принимать во внимание не только текст в ситуации общения, отличающегося от непосредственного контакта специфическим каналом связи, но и учитывать характеристики, заложенные в понятие виртуальной реальности» [7, с. 27]. Виртуальный дискурс сравним с дискурсом в повседневном, реальном общении, но предоставляет куда более широкие возможности информационной и коммуникативной интеракции. «Таким образом, виртуальный дискурс симулирует идентичность привязанности и неоставленности, незаброшенности и «наполненности бытия», т. е. ничто иное, как фундаментальный культурно-экзистенциальный модус-дискурс человеческого существования» [1].

Обретая свободу и независимость в Сети, человек испытывает потребность находиться в виртуальном мире, соответственно, становится зависимым, а следовательно, и открытым для различного рода манипуляций. «Коммуникация – это информация, сообщение. Средства коммуникации – способы передачи сообщений на большие территории. Массовая коммуникация – означает вовлеченность в подобный процесс масс. И уже если объединить все подобное, окажется, что по силе своего воздействия на психическое сознание масс средства массовой коммуникации оказывают преобладающее значение. Они играют чуть ли не первостепенную роль именно в факторе задействования массовой аудитории, массового воздействия на психику. Причем многие упускают особенность воздействия информации на психику. Дело в том, что любая информация, даже если она не получила свой «отклик»

у сознания, откладывается в подсознание (в бессознательное психики), а позже оказывает свое воздействие на сознание» [2, с. 106]. Получая свободу общения, виртуальной идентичности, возможность укрыться за вымышленным именем, человек неосознанно приобретает новые знания, проникающие в подсознание или целенаправленно внедряемые туда при помощи четко продуманных манипулятивных моделей. Никем не контролируемая свобода виртуальной личности в Сети расслабляет, делает ее уязвимой, незащищенной от возможных манипуляций. Комбинация свободы – зависимости – подчиненности. Путем воздействия на интеллектуально-познавательную сферу оказывается влияние на мировосприятие индивида, что способно изменить картину мира не только отдельной личности, но и масс, нации в целом. Регуляторное воздействие на психику, подсознание оказывается при помощи обыденных, на первый взгляд, лексических единиц. С. Г. Тер-Минасова приводит пример, когда совершенно нейтрально-информативное выражение «Нет выхода» на некоторых людей оказывает депрессивное воздействие. «Мне рассказывала моя подруга: «Еду в метро, настроение ужасное, все в жизни сломалось. Поднимаю глаза – «Нет выхода». Иду дальше – опять «нет выхода». Захотелось утопиться – все равно выхода нет» [11, с. 239].

Подобная ситуация объясняется суггестивностью лексемы *выход*. Если в английском языке выражение *No exit* ('нет выхода') имеет нейтральную коннотацию (значение 'нет выхода из ситуации' передается другим выражением – *way out*), то в русском языковом сознании лексема *выход* запечатлена как многозначная и может оказывать суггестивное воздействие на носителей языка.

Следы манипуляций особо четко видны, когда речь идет о событиях в политической жизни страны. Например, рассмотрим последние новости в Германии. Президент страны Хорст Кёлер подает в отставку. Информация об этом событии объективно отражается в СМИ. В ходе проведенного нами дискурс-анализа сообщений по этой теме мы зафиксировали лексические единицы, оказывающие суггестивное воздействия на адресата:

– лексемы, содержащие сему 'сожаление': «Канцлер Німеччини Ангела Меркель, коментуючи рішення президента, зазначила, що *шкодує* про це. / Канцлер Германии Ангела Меркель, комментируя решение президента, отметила, что *сожалеет* об этом» [9]; «Mitglieder aus Regierung und Opposition *bedauerten* Köhlers Rücktritt. <...> Auf die Regierungsgeschäfte hat der Rücktritt *keine direkten Auswirkungen*. Für die CDU-FDP-Koalition kommt der Rückzug trotzdem *äußerst ungelegen*. <...> Köhlers Rücktritt ist auch eine *Niederlage für Kanzlerin Merkel und Vizekanzler Westerwelle*. / Члены правительства и оппозиции *сожалеют* об отставке Кёлера. <...> На правительственные дела уход *напрямую не повлияет*. Все же для коалиции ХДС-СДП отставка *крайне несвоевременна*» [16].

– лексемы со значением 'спад / ход вниз': «Der Rücktritt sei ein «Symbol für den *Niedergang von Schwarz-Gelb*», so SPD-Chef Sigmar Gabriel zur «Berliner Zeitung». / Отставка стала «символом *упадка черно-желтых*», как сказал глава СДПГ Зигмар Габриел газете «Берлинер Цайтунг»» [14].

– лексемы со значением 'проблемы и их сокрытие': «Horst Köhler hat der Koalition einen letzten *Dienst erwiesen*. Sein Rücktritt lässt *die wahren Probleme* der Koalition plötzlich *ganz klein* erscheinen. / Хорст Кёлер оказал коалиции последнюю *услугу*. На фоне его отставки *настоящие проблемы* коалиции кажутся совершенно *незаметными*» [15].

– лексемы со значением 'тайный/скрытый смысл': «Eine knappe Mehrheit der Deutschen hat Verständnis für den Rücktritt von Horst Köhler als Bundespräsident. <...> 43 Prozent der Bundesbürger haben dafür kein Verständnis».

Nur ein Drittel der Deutschen (32 Prozent) ist allerdings der Meinung, dass Horst Köhler mit Verweis auf die Kritik an seinen Äußerungen zu Auslandseinsätzen der Bundeswehr den Grund für den Rücktritt ehrlich benannt hat. 58 Prozent sind hingegen der Ansicht, dass Köhler *in Wahrheit andere Gründe für seinen Rücktritt hat.* / Незначительное большинство немцев соглашаются с отставкой Хорста Кёлера как президента. (...) 43 процента граждан федерации с ней не согласны.

Лишь треть немцев (32 процента), в общем, придерживаются мнения, что Хорст Кёлер, ссылаясь на критику своих высказываний относительно международного присутствия войск бундесвера, назвал истинную причину отставки. 58 процентов, напротив, считают, что *в действительности у Кёлера есть другие причины для его отставки* [12].

– лексемы со значением ‘измена’: «Verzweiflungstat», «kopflos», «Fahnenflucht»: Die Mehrheit der deutschen Zeitungen spart nicht mit Kritik am Rücktritt Horst Köhlers. / «Отчаянный поступок», «безрассудство», «дезертирство»: Большинство немецких газет не скупятся на критику относительно отставки Хорста Кёлера [13].

Анализ сообщений позволяет сделать вывод, что ставленник и единомышленник федерального канцлера Ангелы Меркель, крупный специалист в финансовой сфере, Хорст Кёлер, совершая беспрецедентный в истории Германии поступок, уходя в отставку с поста президента страны в момент кризиса, декларирует провал действующей власти и прогнозирует закат политической карьеры коалиции ХДС-СДП. Сообщения направлены на потребностно-мотивационную и эмоциональную сферу личности, масс, а в данном случае – граждан Германии накануне президентских выборов. Таким образом, на лексическом уровне интернет-издания оказывают суггестивное влияние на электорат, создают предпосылки для манипулирования общественным сознанием.

Выводы. Глобализация общества и социальные процессы приводят к тому, что человек испытывает потребность вхождения в виртуальный мир, новую реальность, предлагающую неограниченные возможности самоидентификации и самореализации личности. Интернет, как современное и самое мощное из средств массовой коммуникации, информации и пропаганды, выступает посредником в воздействии на подсознание и манипуляциях языковым сознанием виртуального общества. Сама организация интернет-дискурса обладает суггестивным потенциалом, что было продемонстрировано нами на примерах лексического наполнения новостных сообщений.

Библиографические ссылки

1. **Галкин Д.** Виртуальный дискурс в культуре постмодерна / Д. Галкин // Критика и семиотика : сб. науч. тр. – Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2000. – Вып. 1–2. – С. 26–34.
2. **Зелинский С. А.** Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. Средства массовой коммуникации, информации и пропаганды – как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс / С. А. Зелинский. – СПб. : Изд. дом «СКИФИЯ», 2008. – 280 с.
3. **Иванов Д. В.** Виртуализация общества / Д. В. Иванов. – СПб. : Петербург. Востоковедение, 2000. – 96 с.
4. **Карасик В. И.** Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
5. **Компанцева Л. Ф.** Гендерные основы Интернет-коммуникации в постсоветском пространстве : монография / Л. Ф. Компанцева. – Луганск : Знание, 2004. – 404 с.
6. **Компанцева Л. Ф.** Философия Сети Интернет: школа Бернарда Лонергана и славянский опыт : монография / Л. Ф. Компанцева. – Луганск : Знание, 2006. – 352 с.

7. **Лутовинова О. В.** Виртуальный дискурс как одно из направлений в исследовании киберпространства / О. В. Лутовинова // Вестник МГОУ. Сер. «Лингвистика». – 2009. – № 1. – М. : Изд-во МГОУ. – 212 с.
8. **Луценко Е. В.** Виртуализация общества как основной информационный аспект глобализации (основы информационно-функциональной теории развития техники и информационной теории стоимости). [Электрон. ресурс] / Е. В. Луценко. – Режим доступа : <http://ej.kubagro.ru/2005/01/02>.
9. **Неділько Н.** Президент ФРН Келер подав у відставку. Хто прийде замість нього? / Н. Неділько, Р. Гончаренко // Deutsche Welle. – 31.05.2010. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5635938,00.html>.
10. **Социальная теория постмодернизма: исходные постулаты.** [Электрон. ресурс]. – Режим доступа : <http://www.chem.msu.ru/rus/teaching/sociology/2.html>.
11. **Тер-Минасова С. Г.** Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
12. **ARD-Deutschland.** Die Mehrheit hat Verständnis für Köhler. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tagesschau.de/inland/koehlernachfolge112.html>.
13. **Deutschlandfunk.** Presseschau des Deutschlandfunks. "Fahnenflucht" und "Scherbenhaufen". [Электрон. ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tagesschau.de/inland/presseschaukoehler100.html>.
14. **Gaul Benjamin.** Führung in der Krise. Die Koalition muss den großen Wurf schaffen. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа : <http://berlindirekt.zdf.de/ZDFde/inhalt/31/0,1872,8076895,00.html>.
15. **Leifert Stefan.** Bundespräsident, CDU. Köhlers Abschiedsgeschenk für Merkel. – 3.06.10. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа : <http://blog.zdf.de/zdfdasblog/2010/06/kohlers-abschiedsgeschenk-fur.html#more>.
16. **Tagesthema.** Enttäuscht: Horst Köhler tritt zurück. / Dw-Tv Europa. – 31.05.10. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dw-world.de/dw/episode/0,,5573163,00.html>.

Надійшла до редколегії 09.06.10

УДК 811.161.1'373.23

И. Н. Апоненко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СТРУКТУРА НАИМЕНОВАНИЙ ПЕРСОНАЖЕЙ В «РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ» А. Н. АФАНАСЬЕВА

Розглянуто структурні типи найменувань персонажів із збірки О. М. Афанасьєва «Російські народні казки».

Ключові слова: антропонімія, структура іменування, власне ім'я, по батькові, прізвище.

Рассмотрены структурные типы наименований персонажей из сборника А. Н. Афанасьева «Русские народные сказки».

Ключевые слова: антропонимия, структура именованья, личное имя, отчество, фамилия.

In the article structural types from the collected stories by A. N. Afanasiev called «Russian Folk Tales» are considered.

Key words: antroponymy, structure of naming, proper name, patronymic, surname.

В русском языкознании довольно мало работ, посвященных рассмотрению имен сказочных персонажей в фольклорных текстах. Это исследования Н. С. Колесник, Т. Н. Кондратьевой, Т. И. Мальцевой, М. Н. Морозовой, М. И. Пи-лаш. Изучение же структурных типов именованний героев народных сказок позво-